

МАСТЕРА

Дмитрий Жилинский:

Время задуматься о смысле жизни

Однажды посол России в Дании Алексей Обухов предложил Дмитрию Жилинскому по случаю 500-летия установления дружеских дипломатических отношений двух стран приехать в Копенгаген и написать портрет датской королевы Маргрет II. Художник согласился. Как-то в казарме королевской лейб-гвардии ему поднесли фотографию портрета русского императора Александра III в красном мундире датского королевского лейб-гвардии полка, написанного Валентином Серовым в 1908 году по заказу гвардии.

Но каковы были удивление и восторг сопровождающих, а затем и прессы, когда они узнали о том, что Жилинский — внук прославленного русского живописца, его бабушка — родная сестра Валентина Александровича Серова. Вот при каких неординарных обстоятельствах встретился внук-художник с дедом-художником. И теперь их картины будут находиться в одном королевском дворце.

— Оказал ли Серов влияние на ваше творчество и в какой степени? — так началась моя беседа с Дмитрием Дмитриевичем Жилинским, народным художником России, действительным членом Российской академии художеств, лауреатом Государственной премии имени И. Е. Репина; профессором, милым и обаятельным человеком, замечательным живописцем, работы которого всегда становились событиями отечественной художественной жизни.

— Естественно, я не повторяю живопись великого деда, да это и невозможно сделать. У меня свои манера и техника письма, своя тематика, я воплощаю в своем искусстве собственные представления о жизни, об окружающем мире в иной художественной форме. Но нравственные, духовные идеалы Серова, его отношение к профессии, к мастерству, конечно, были для меня примером.

— А вам импонирует его требовательное, подчас беспощадное отношение к людям, которых он портретировал, даже к царственным особам? У Серова иногда боялись писать...

— Я пишу хорошо знакомых, глубоко симпатичных мне людей. Заказных портретов, в отличие от моего деда, сделал немного — и только после продолжительных натуральных сеансов. Как-то предложили мне написать портрет Брежнева. С фотографии. Я наотрез отказался.

— А если бы Брежнев согласился вам позировать?..

— Наверное, было бы любопытно написать его портрет. В Дании, например, королева и члены ее семьи позировали долго и терпеливо. Я исполнил большой, в рост, портрет королевы, а также портреты ее мужа Хенрика, кронпринца, будущего короля Фредерика X, младшего ее сына Ехима, родную сестру Бенедикту, королевскую мать и ее мужа Рихарда. Датские газеты именovali меня «королевским художником». Вполне уважительно именovali. Ведь королева и ее семья пользуются в стране большой любовью. Я не монархист, но настоящий монарх, не случайно заскочивший на трон, а совершенно подготовленный к этой почетной и ответственной миссии, образованный, хорошо

воспитанный на вековых семейных традициях, является, по-моему, лучшим гарантом стабильности государственного устройства, целостности страны, нации. Я не призываю к подобному же государственному устройству в России, но какой-то правовой гарант должен у нас быть. Сейчас его нет. Отсюда и развал страны, общества, экономики, забвение культуры и искусства, рост преступности и коррупции, потеря нравственного и духовного ориентира...

— И в изобразительном искусстве!

— Безнравственность, бездуховность захлестнули и наше искусство. Русское реалистическое искусство всегда отличалось высокой жизнеутверждающей нравственной силой, светлыми идеалами, верой в доб-

ро. Даже в страшные годы сталинщины были прекрасные художники: Нестеров, Корин, Фаворский, Симакович-Ефимова, Павел Кузнецов, Лентулов, Кончаловский, Сарьян, Петров-Водкин... Ныне же искусство заброшено государством, которое с полным равнодушием относится к нам, художникам, что оборачивается большими невосполнимыми утратами для страны, для народа. Поэтому поток низкопробной, бездуховной халтуры подражателей Западу буквально захлестывает наши выставочные залы. Засоряют мозги наукообразными теориями и терминами, и бедный зритель озадачен и одурочен. Мне всегда приходит на ум сказка Андерсена «о голом короле». За лихостью, эффектною формальными поисков скрывается убогость мысли, а то — ложь и обман. Иногда хорошие художники, чтобы прослыть «современными», идут на непоправимые компромиссы, тем самым убивая свой талант, поступают безнравственно.

Большой бедой для культуры считаю разрыв нашего государства на национальные части. Такая «суверенизация» происходила по-живому. Но несмотря на искусственно устраиваемые политиками препоны и препятствия, мы, художники бывших советских республик, остаемся в своем творчестве друзьями и единомышленниками. Ведь у большинства одна художественная школа, одни духовные и нравственные основы искусства. Вместе мы сильнее как художники.

— В своих картинах вы

можно так сказать, с прицелом «на вечность». Они знали, что их приобретет Министерство культуры, Союз художников, они попадут в государственный музей. Это считалось большой честью, признанием заслуг художника, его труда. Ныне же государство почти не приобретает картин современных авторов, и музеи обеднели, еле-еле сами сводят концы с концами. Теперь, по-моему, прицел «на вечность» сменился ориентацией «на рынок».

— Особенно страшен «рынок» для молодых художников, еще не обладающих нашим опытом, профессиональной и нравственной устойчивостью. Они быстро попадают под влияние разных ложных направлений, тем более, если это хорошо оплачивается. Ведь на Западе нет хорошей художественной школы, нам нечему там учиться.

— А в нынешней России художественная школа существует?

— В России всегда была добротная художественная школа. Сейчас же она «трещит по швам», гибнет на глазах под напором разных «измов» и слеза, и справа. Катастрофически теряем традицию, профессионализм...

— Ваша картина «1937 год», которая выдвинута на соискание Государственной премии России, автобиографична?

— Да. Были арестованы, а затем расстреляны мой отец, инженер-конструктор, дед и дядя. Потом, в конце пятидесятих годов, они были полностью реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

— На соискание госпре-

мии представлена также и другая ваша картина «С нами Бог». По-моему, она необычна для вашего творчества. Прежде у вас не было картин на религиозные темы. Как объяснить сей феномен в вашем творчестве? Озарением или, простите, модой?

— Нет, не модой. Я никогда за ней не гнался. Все европейское и наше искусство связано с библейскими сюжетами. Но каждый художник по-своему выражал свое отношение к миру и людям. В своей картине я как бы подвел какой-то жизненный и творческий итог. Ведь настало время задуматься о смысле жизни. Я человек православный. Я верую прежде всего в Россию, в людей, в добро. Все происходящее на земле — от Бога. От Бога наша жизнь, разум, творчество. Поэтому «С нами Бог» — со мной, матерью, женой, изображенными на холсте. Бог с отцом моим и миллионными невинно погибших. И в 1937-м, во время Великой Отечественной войны, во многих трагических междоусобицах. Да и сейчас — в Чечне. Это же преступление! А Бог — это любовь. А любящий и добрый человек не может делать зло.

— Не является ли «собиранием камней» восстановление в Москве Храма Христа Спасителя?

— Нет. Не ко времени затеяли его строительство. Нельзя, неразумно и безнравственно тратить колоссальные деньги, когда страна пребывает в разрухе и нищете, когда люди нуждаются в самом необходимом. Да и нельзя храм восстановить в прежнем виде. Все равно это будет новодел. Главная ценность в нем — внутреннее убранство. А кто его будет расписывать? Прежний Храм расписывали и украшали большие русские художники. А сегодня кто? Глазунов и Церетели? Что же из этого выйдет?..

— И традиционный вопрос — что сделали вы за последнее время, над чем сейчас работаете?

— Исполнил для МХАТа большую картину (3,5 на 1,75 метра) «Весна Художественного театра», где написал 43 портрета актеров, писателей, художников, музыкантов начала века, бывавших тогда в Ялте у Чехова. Задумал картину снова на библейскую тему. Вот, посмотрите ее эскиз. Но не надо о ней писать...

— Суеверный?

— Может быть. Еще не знаю, напишу ли картину по-другому, или же совсем другую...

Беседовал
Евграф КОНЦОВ.

● Дмитрий Жилинский в мастерской.

● Д. Жилинский. «1937 год».

